

— И ТАК, вам любопытно знать, что происходит в моих владениях в новом театральном сезоне. Сначала познакомьтесь вот с этим. — она протянула лондонский еженедельник «Что, где», который исправно сообщает обо всех спектаклях сезона. Рядом с названием пьесы — короткая аннотация.

«Верх пижамы» — музыкальное ревю с участием Бэрвик Кейлер и других молодых леди, которые время от времени снимают одежду, «Пускай люди придут» — мюзикл с аппетитной клубничкой, «Давайте уляжемся» — как вы можете догадаться, это комедия с голенькими и смехом, «Птицы рая» — солененькая под соусом комедия».

Где-то на пятнадцатом перечислении, в сущности, одного и того же я вздохнула и посмотрела на Мельпомену. Богиня драматического искусства, прозорливо угадав мое настроение, сказала:

— Не нравятся? Не вам одной. Еще ученый и писатель Джон Солсбери возмущался присутствием на подмостках «разных голяков» и писал по их поводу: «Нет, лучше ничего не делать, чем поступать так плохо».

— Не хотите ли вы сказать, — удивилась я, — что «голяки» в традиции английского театра?

— Я хочу сказать, что издавна в традиции английского зрителя — неприятие непристойностей, допускаемых на сцене. Но если прежде «голяками» называли библейских Адама и Еву, разыгрывающих сцены изгнания из рая, то теперь, простите, перед зрителем не только бегут голые, но и творят невесть что.

— Куда же вы смотрите? Мельпомена улыbnулась:

— Не забывайте, я не человек, а символ. Мне дано нести «арсенал средств» для тех, кто хочет отдохнуть и посмеяться, окончив день труда и забот, или кто жаждет прекрасного, или надеется получить ответ на вопросы, тревожащие его. Но между мною и этими людьми множество продюсеров, делцов, поставщиков, а что они выберут из моего арсенала — это от меня не зависит.

— Неужели публика валом валит на такие представления?

— Разумеется, нет. Иные театры «сгорают», подожженные своим репертуаром, иные живут за счет всякого заезжего люда и, увы, некоторой части молодежи, которой в поисках ответа на свои вопросы порой больше ничего не остается, как бродить по галеркам этих заведений. Впрочем, если вы посмотрите еженедельник повнимательней, вы сможете обнаружить один-два любопытных мюзикла. Я открою вам занавес наиболее интересных представлений, дабы вы сами смогли судить о них. Кстати, все они идут давно и в этом сезоне должны «умереть».

«Волосы», музыкальное попревю, залетевшее в Лондон с Бродвея (о нем уже писали в нашей газете), рисует картину жизни хиппи. Если привикнуть к какофонии, крикам, визгам, к символически показанным массовым оргиям, можно кое-что разглядеть: молодое поколение, растущее без идеалов, подвергается сомнению все и вся. Жизнь открыла этому поколению хищное лицо буржуазного мира с ханжеской моралью и социальным неравенством. Молодые люди, разочаровавшись во всем, уходят из этого мира в свой мирок, полудишанский и полудиккий, заглушая наркотиками звуки реальности.

Все увещевания бесполезны. Да и кто увещевает? Пожилая моралистка, забредшая к ним в логово, пытается сблизить их постылыми проповедями. «Разоблачение» совершается тут же: молодые люди с гиканьем и свистом срывают с нее одежду, под которой — не строгая дама, а голый мужчина. «Вся ваша мораль — ложь!» — кричит этот эпизод, современная вариация на тему голого короля.

Давняя традиция английского театра — превращение религиозного сюжета в веселый фарс в форме диалогов и перефразированных цитат из Библии под музыку, называвшуюся некогда «эстрифтс», — сильно измененная временем, перелетев некогда в Америку, нет-нет, да и вернется оттуда то в виде поп-мюзикла «Иисус Христос — суперзвезда», то в форме озорной арлекинады «Годспелл». Последняя доживает свои дни на сцене театра «Уайлдемс». В ней веселый клоун Христос получает взрослых глупых ребятшек, как им себя вести, а они делают наоборот и в финале принимают участие в эгегическом распятии своего учителя.

— К сожалению, я более ничего не могу порекомендовать вам в этом жанре, — заключает Мельпомена, — остальное неприлично. Реакцией на всякого рода историйки с «голяками» явилась забавная комедия Антони Мариотта и Алистера Фута «Не надо секса, пожалуйста, — мы англичане», поставленная на сцене театра «Стренд». Она пользуется большим успехом у публики, но

кажется мне не более чем гласом вопиющего в пустыне. Однако продолжите чтение еженедельника «Что, где». Настало время сменить тему.

«Мышеловка» — пьеса Агаты Кристи с таинственным убийством. «Сыщик» — детектив, который использует многие проворенные временем повествования об убийствах и к тому же ухитряется посмеяться над традициями жанра. «Кто видел его мертвым?» — история убийства с захватывающим сюжетом».

Я была готова уже пойти на одну из многочисленных предложенных еженедельником пьес-детективов и посмотреть историю, происходящую в старинном замке, связанную с романтической любовью юной графини, которой мешает некое злобное существо, непременно жаждущее перехватить наследство.

— Какой уважающий себя человек так неэкономно тратит время? — остановила меня всевидящая Мельпомена. — И разве вам не достаточно телевизионных фильмов подобного рода? Ведь вы смотрели, не выходя из дома, «Новые приключения драку-

усердно посещать церковь. В конце спектакля, расплачиваясь за попытку соращения малолетнего ребенка, девушка попадает в тюрьму. Актеры Ли Дэвис в роли дочери и Теренс Фрисби в роли отца в напряженных, жестких диалогах раскрывают перед зрителем трагедию юного существа, безответственно воспитанного в традициях мнимых свобод. Чувство тревоги за «освобожденное» таким образом поколение лежит в основе пьесы Барри Рекорда, и если она не отвечает на вопрос «как быть дальше?», то хотя бы ставит его, и ставит серьезно.

Спектакль с названием «Привидение на дыпочках», идущий на сцене театра «Савой», рассказывает историю переживаний человека, обреченного на смерть тяжелой болезнью и понявшего, что все близкие в надежде на наследство ждут не дождутся его смерти. Ужаснувшись этому, человек пускается в любовные похождения, дабы ими скрасить свои последние дни. Все кончается благополучно, диагноз врача оказался ошибкой, благодаря которой.

(это и есть Норман) и жених младшей сестры. Вы можете посмотреть одну часть, ибо в каждой происходит одно и то же. К примеру, «Манеры за столом». На сцене — столовая, двери в сад и гостиную открыты, герои входят и выходят, в гостиную и в сад происходит то, чего вы не видите, но, в сущности, то же самое, что в столовой. А что же происходит? Съехавшиеся на уик-энд родственники узнают в разговорах, что муж старшей сестры соблазнил свою юную свояченицу. Все, кроме жениха соблазненной, по своему простодушию так и не узнавшего, в чем дело, возмущены поведением бородатого библиотекаря Нормана, который сначала пытается оправдать свое поведение комплексом исполненности, а потом по ходу разговоров мирится с женой, со свояченицей и даже вызывая к себе жалость, соблазняет строгую жену брата, обещая каждой женщине сделать ее счастливой. В конце пьесы, поскольку это и конец уик-энда, все разъезжается по своим делам как ни в чем не бывало. Пестрящая остротами, колким юмором, преса создает в зрителе веселое настроение, но она настолько «легка», что правильное было бы сказать — пуста.

ЛОНДОН — прославленная цитадель великого драматического искусства. Но, увы, сегодня еженедельник «Что, где» предложил мне массу «голяков» и всего одну пьесу Шекспира «Ричард II» в театре «Олдвик». Единственный «Пигмалион» на сцене «Олбери». Диккенса, Голсуорси, Теккерея вообще нет! Я уж не говорю о Чосере — тот жил так давно, что о нем могли и позабыть. Забыт здесь и Байрон!

Допустим, что англичанам наскучили их великие трагедии, комедии, драмы. Чем они заменили их?

Недавно в газете «Дейли телеграф» критик Джон Барбер, говоря о необходимости на лондонской сцене пьес политического и социального характера и напоминая об их огромной роли во времена национального беспокойства, стычек в промышленности, выборов, уличных демонстраций, вспоминал спектакль по пьесе Голсуорси «Справедливость», чей политический запал в свое время был так силен, что под ее влиянием правительству пришлось провести в жизнь ряд законов. Джон Барбер с горечью говорит о том, что в новом сезоне на сценах Лондона нет ни одной пьесы, хотя бы отдаленно поднимающей проблемы, которые волнуют всех.

Дес Вильсон, один из руководителей шекспировского королевского театра в Стратфорде-он-Эйвоне, писал на прошлой неделе в газете «Гардиан»: «Инфляция ударила по всем, и она же опустошила английский театр. В результате многие мелкие театры на грани краха». Не сомневаюсь, что это так. Но, помимо денежной, не присоединяется ли и репертуарная инфляция?

Конечно, я старалась найти хорошее. Не могу не отметить с удовольствием успех постановки «Ричарда II» с замечательными актерами Яном Ричардсоном и Ричардом Паско в главных ролях. С нетерпением ожидаю появления в «Шоу театре» пьесы Шекспира «Укрощение строптивой».

«Дачники» и «Дети солища» Максима Горького, идущие на сцене театра «Олдвик», — светлый луч нового сезона. Видимое, разоблачительный пафос, направленный против буржуазного мироощущения, против пустословия оторванных от народа интеллигентов, оказался созвучен настроениям англичан. Горьковские спектакли пользуются в Лондоне сегодня большим успехом.

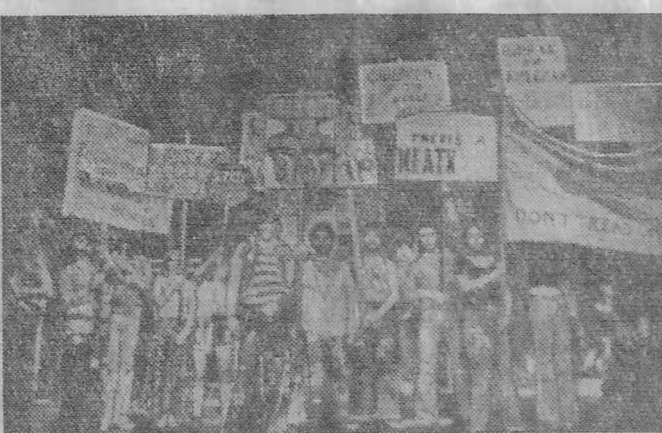
Встреча с британской Мельпоменой не принесла радости — театр, задавленный «массовой культурой», смертельно болен.

ЛОНДОН, октябрь

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ИНТЕРВЬЮ С БРИТАНСКОЙ МЕЛЬПОМЕНОЙ

Лондон, прославленная цитадель великого драматического искусства, сегодня являет собой печальный пример засилья коммерческих зрелищ, порнографических шоу, посредственных «салонных комедий» и детективов. В этом мутном потоке, захлестнувшим театральные подмостки столицы Англии, тонут отдельные серьезные, остросоциальные пьесы прогрессивных драматургов. О состоянии современного английского театра рассказывает собственный корреспондент «ЛГ» Л. Васильева в форме «интервью с британской Мельпоменой».



Сцена из мюзикла, посвященного жизни молодежи

лы», «Террор кровавого вечера», «Ночную галерею ужасов». У вас уже есть иммунитет: вы перестали вздрагивать при появлении на экране говорящих синих трупов, дребезжащих скелетов, клыкастых дракул. Даже ваш двенадцатилетний сын смеется над ними и заранее знает, что будет дальше. Но, должна вам сказать, далеко не все в Британии обладают столь крепкими нервами. Статистики подсчитали, что разрушенная нервная система у детей — во многом следствие работы этого ящика, который, прочно поселившись в домах, злоупотребляет своими возможностями и губит ребят.

Я СНОВА углубилась в чтение «Что, где». Было немного грустно, что разговор сводится, в сущности, к обсуждению того, что англичане называют «мусором на подмостках». Но читая еженедельник, я непременно наткнулась или вновь на детектив, или на мюзикл.

— Позвольте, из сорока

четырех крупных театров

Лондона в тридцати одном

идут мюзиклы и детективы.

Не много ли? А где современная серьезная драматургия?

И Мельпомена послала меня в маленький зал «Театра наверху» у площади Слоун-сквер на спектакль по пьесе Барри Рекорда под названием «Х». «Х» — индекс, обозначающий здесь возрастное ограничение для зрителей, — иными словами, пьеса называлась: «Детям до шестнадцати лет смотреть не разрешается». Героиня ее, юная дочь ученого-экономиста, росла без родительской опеки, ей было все дозволено. И она не замедлила воспользоваться этим: путешествуя по Европе, она становится проповедницей более чем странной философии «всеобщей любви», в которой должны смешиваться отцы и дети, сестры и братья, деды и внуки. В качестве проверки своей теории она приступает к соблазнению... собственного отца. Тот сначала смеется, потом удивляется, потом сердится, потом пугается, начинает запоздало давать ей советы выйти замуж или

однако, человек узнал цену людям. Но на пьесе отпечаток посредственности: начав смотреть ее, зная, как дальше повернется дело.

Я спросила Мельпомену, что же явилось в этом сезоне «гвоздем».

— «Завоевание Нормана» в театре «Глобус». Ее автор, Алан Экборн, — сейчас самый модный и преуспевающий драматург: у него идут в разных театрах четыре пьесы, но, по общему признанию критики, «Завоевание Нормана» — самая интересная.

В самом деле, пьеса удивляет своей формой. Это трилогия. Чтобы посмотреть всю пьесу, нужно трижды пойти в театр. Действие происходит в обыкновенном английском доме, оно ограничено рамками уик-энда — начинается в пятницу вечером, кончается в понедельник утром. Действующие лица — члены одной семьи: брат, две сестры, жена брата, муж старшей сестры